

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДИНЫ
В ПОЭЗИИ И. СЕВЕРЯНИНА

Что есть поэтический текст? На первый взгляд, вопрос не вызывает ни малейших затруднений, однако, берясь за исследование этого феномена, мы зачастую уходим либо в область литературоведения, либо в область лингвистики. Рассматривая же произведение, важно понимать, что текст — это не только определенная совокупность языковых единиц, но и личность автора. Так, выбор писателем той или иной лексемы нередко таит в себе не просто удачное сочетание, но и нечто сокровенное, глубоко личное. Поэтому, выявляя и анализируя лексику, использованную в тексте, мы проводим исследование как языковое, так и психологическое.

В данной статье опыт соединения психического и лингвистического был произведен на материале поэзии Игоря Северянина. Выбор именно этого автора не случаен. Начало XX века ознаменовалось появлением целой плеяды ярких и интересных творцов. Однако даже для того времени Игорь Северянин оказался поэтом весьма эпатажным и неоднозначным. Читая его стихотворения, мы погружаемся в своеобразный мир, в котором не бывает полутонов, есть лишь крайности. Выразительное, почти кричащее слово — иного Северянин просто не мог бы использовать. Но несмотря на неординарность, творчество поэта исследовано недостаточно как литературоведами, так и лингвистами. Большая часть работ посвящена ранней поэзии Игоря Северянина, тогда как поздние тексты остаются за границами внимания исследователей. В данной статье рассматриваются стихи эстонского периода творчества поэта (с 1918 по 1941 г.).

Листая сборники «Соловей», «Вербэна», «Менестрель», «Фея Etoile», «Классические розы», «Медальоны», «Адриатика», даже неподготовленный читатель обращает внимание,

насколько важную роль играет в текстах Северянина пространственный аспект. Ю. М. Лотман трактует художественное пространство как модель мира автора, выраженную на языке его пространственных представлений [4: 252]. Таким образом, точкой отсчета является человек [5: 3]. «Посредством языка в сознании говорящих отражаются предметы и явления материального мира», которые существуют лишь «в неотрывном единстве с категориями пространства и времени» [6: 117]. Однако «пространство, данное человеку целиком, никогда не мыслится как единое целое. На первый план выдвигается некоторый фрагмент, по отношению к которому человек ориентируется, локализует себя» [3: 29]. Здесь можно говорить о семантическом поле (далее — СП), иерархической структуре множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу (в данном случае — локус) [2: 232]. Так, у Северянина мы выявляем СП «Родина».

Особый акцент необходимо сделать на том, что языковые единицы сближаются не только на основании внутрисистемной семантической связи, обусловленной наличием общего семантического компонента (*местность*), но и при помощи внесистемной — ассоциативной связи (*местность* — страна — Россия — Русь — земля — дом). Поэтому семантическое поле представляет собой комплексное единство, вбирая в себя свойства семантического класса и ассоциативного ряда [1]. Одним из наиболее значимых требований к внутренней структуре поля является то, что оно должна быть соотнесена с внеязыковой реальностью. Эта соотнесенность обеспечивается в процессе выделения отдельных областей внутри поля: групп, микрополей, субполей, представляющих собой отдельные признаки поля. «Родина» и ассоциированные с ней явления рассматриваются нами в отношениях «целое — часть».

Семантическое поле неоднородно: в нем можно выделить центр и периферию. К центру в поле «Родина» относятся синонимы этого слова, а также слова-антиподы — те слова, с помощью которых автор создает конфликт «своего» и «чужого» (обозначающие Эстонию, место вынужденной ссылки: *заброшен в приморскую глушь, в края неласковой*

чужбины, Эстония, милая Эсти, оазис в житейской тщете, в этой маленькой русской колонии). На периферию же отходят названия отдельных объектов (*ее* [страны] *равнины снеговые, простор родных деревень*, [народ] *в церковь войдет, через поля* [России], *вдоль Москвы-реки, радушные особняки, к уютной церковушке, за башнями Кремля, на восток, к горам Урала*). Подобные группировки слов определяются как микрополя — СП меньшего объема. Микрополя взаимодействуют друг с другом в рамках заданного семантического пространства. Они обладают минимальной самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения. Лексемы называют объекты природного пространства, изображают пейзажные особенности русского (или при описании «чужого» — эстонского: *использованные поля, пустая земля, по октябрьской мерзлой поляне, в приморском парке, нежно слова эстийские призывели над леском, чсито звенели ландыши, запрятаннные под куст, у моря Финского, на дальнюю мельницу Lagedi, в приветливую избу*) пространства в тексте.

При выявлении и анализе единиц микрополей необходимо прежде всего уделять внимание их словесному окружению. Благодаря этому слово перестает быть внеконтекстным, обретает глубину и показывает нам автора. Рассматривая контекстное употребление единиц пространственных микрополей в стихотворениях Северянина, мы наталкиваемся на упоминавшуюся оппозицию «свое — чужое». Какое же значение она имеет в текстах поэта?

Здесь оказывается необходимым привести некоторые биографические сведения. В 1918 г. И. Северянин с семьей уезжает на отдых в Эстонию. А уже в 1920 г. происходит отделение Эстонии от России, и поэт оказывается в вынужденной эмиграции. И все же в Прибалтике отрыв от родной почвы остается неощутим. Поэт оказывается эмигрантом в физическом плане, но вовсе не становится им в лирике. В его стихах боль за Родину перемежается с критикой государственного строя:

Есть театр, есть стихи, есть симфонии.

Есть картины, и, если в Эстонии

Ничего нет такого для вас,

Соотечественники слишком русские,
 Виноваты вы сами, столь узкие,
 Что теряете ухо и глаз.

(«Поэза для беженцев»)

Куда ж деваться вам от срама,
 Вы, русские низы и знать?
 ...Убрав царя, влюбиться в хама,
 А гражданина вон изгнать?!..

(«Поэза дополнения»)

В России тысячи знакомых,
 Но мало близких. Тем больней,
 Когда они погибли в громах
 И молниях проклятых дней...

(«Поэза душевной боли»)

Отношение Северянина к Родине не является статичным. В стихотворениях идет постоянное смещение семантики «своего» и «чужого».

С одной стороны, свое — то, что было уничтожено, отобрано революцией. Для «своего» Игорь Северянин использует образ надежного, прочного, старого (в значении «проверенный»). Для Игоря Северянина «своим» оказывается не Россия-государство, а Россия-земля, народ, воспоминания (*о России петь — что стремиться в храм по лесным горам, полевым коврам, город тонал, трезвонил и цокал, целовался, восторгом объятый, в ту пору я жил в новгородских дебрях*). В этом конфликте чужбиной оказывается Эстония (*и в чуждом краю зимой ты бродишь, идти лесными тропами в пустые дни, ничего здесь никому не нужно, не чувствуя лодочки под собой, ни себя, ничего*).

С другой стороны, чужое — то, что стало со страной после революции. Оно изгнало деятелей культуры из страны, отдалило поэта от Родины. Помогают в создании такого ощущения описания мира темного, вандального, злого: *Пускай всю землю оглашает плач с экватора до полюсных окраин, в этом благодатном месте стал мрачным воздух голубой, уходите вы, могикане, последние, родной страны, «сумасшедшая мазня забрызгали в Москве последний сарай, бездарностью дразня*. В этом случае Эстония уже представляется местом тихим, лишенным бедствий (*с той стороны Финляндского залива, из города-страны озер и скал, ваш дом, где неизменен тонкий вкус,*

спасибо, благородная страна, любимая и любящая братски, — в гостеприимстве ты была нежна).

Анализируя тексты Северянина, мы выявили следующие особенности репрезентации образа Родины и оценочные смыслы, связанным с ним:

1. В текстах начала Эстонского периода Игорь Северянин практически не использует прямых наименований России, употребляя лексему *страна*. В стихотворениях используются отсылки к образу Родины через реалии (деревни, поля, тропы, церкви и т. п.).

2. Частота этих отсылок невелика. Они встречаются не подряд, не в каждом стихотворении, а лишь в некоторых. Частотны случаи обращения к СП «Родина» через выражение негативного отношения к новой политике государства (например, стихотворения, посвященные изгнанным деятелям культуры).

3. С увеличением срока ссылки частота упоминаний возрастает. Автор начинает употреблять слова *Россия*, *Отчизна*, *Родина* чаще. Игорь Северянин описывает уже не столько современную страну, сколько свое восприятие Родины. Возникает эффект заполнения обширного СП деталями, при этом само СП не дробится, а остается цельным, монолитным, таким, что читателю становится практически невозможно выделить центр и периферию поля (например: периферийное слово *храм*, ранее обозначавшее элемент пространства, становится синонимично всему пространству: *Россия — храм*).

4. Динамика в характеристике образа Родины идет от отрицательного к положительному. Так, в сборнике «Менестрель» мы встречаем лишь поэзы, подобные «Поэзе душевной боли»; тогда как в «Классических розах» есть несколько текстов с положительной оценкой образа Родины. Оценочная составляющая СП очень точно выражена самим Северянином:

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

5. Лексика СП «Родина» в текстах Игоря Северянина выполняет три основных функции:

— задает пространственную ориентацию (называя объекты реальности и обозначая их место по отношению к субъекту с помощью предлогов);

— создает оппозицию «свое / чужое», тем самым раскрывая образ Родины;

— накладывает психологический, эмотивный фон.

Таким образом, в данной статье на материале слов СП «Родина» была сделана попытка представить определенный фрагмент картины мира «поэта-изгнанника» при помощи рассмотрения словесного выбора автора и выявления оценок и эмоций через лексику и ее контекстное окружение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васильев Л. М.* Теория семантических полей // *Вопр. языкознания.* М., 1971. № 5.

2. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.

3. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

4. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 251–293.

5. *Прокофьева В. Ю.* Русский поэтический локус в его лексическом представлении (На материале поэзии «серебряного века»). СПб., 2004.

6. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира.* М., 1988.

7. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., 1974.

© **В. В. Соковнина**
УрФУ

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОНСЕНСА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ДЖ. ЛЕННОНА)

*Если в мире все бессмысленно,
что мешает выдумать какой-
нибудь смысл?*

*Л. Кэрролл
«Алиса в Стране Чудес»*

Нонсенс как литературный феномен развился в Англии в конце XIX века. Классиками данного жанра являются Л. Кэрролл («Алиса в Стране Чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на